

УДК 336.76(5):339.727.22(510)

В. И. Балакин

ФОРМИРУЮЩИЙСЯ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИЙ ОБЩИЙ РЫНОК В ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ КНР

Рассмотрены проблемы формирования восточноазиатского общего рынка, отдельные направления восточноазиатского сотрудничества, место и роль стран в региональных интеграционных процессах. Оценивается потенциальное лидерство Китая в регионе.

Восточноазиатский общий рынок, глобализация, инвестиционная стратегия, региональная интеграция, США, Япония, Китай.

Восточноазиатский общий рынок (ВАОР) представляет собой сегодня не просто набор территорий отдельных суверенных государств, но и формирующееся экономическое пространство, к которому проявляют заметный интерес все ведущие мировые «центры силы». Многим в мире представлялось, что региональная самоидентификация Восточной Азии пойдет по уже проторенному пути интегрировавшейся Западной Европы, когда экономические интересы объективно побуждали прежде весьма недружественные друг другу европейские государства искать варианты взаимовыгодного сотрудничества и укрепления атмосферы доверия в многосторонних отношениях. Аналогичные процессы ожидались и в Восточной Азии после завершения «холодной войны» на фоне постепенного оживления торговых контактов между КНР, Японией, Республикой Корея и АСЕАН. Десятилетний период с 1995 по 2005 г. был отмечен нарастанием отдельных направлений восточноазиатского сотрудничества и появлением серьезных проблем

в отношениях между отдельными государствами региона, по-разному оценивающими свои роль и место в региональных интеграционных процессах. Особую остроту приобрело практически открытое соперничество Китая и Японии за геополитическое лидерство в Восточной Азии, что во многом предопределяется традиционным активным стремлением обоих государств проводить собственную инвестиционную политику в регионе, определяемую долговременными интересами национального развития.

Следует признать, что в начале XXI в. Восточная Азия стала играть уже не столько региональную, сколько глобальную роль в инвестиционной стратегии КНР. Именно активный экономический регионализм Китая в Восточной Азии и настойчивые попытки использовать возрастающую совокупную мощь китайского государства для принципиального изменения усиливающегося американского тренда в глобализационных экономических процессах породили серьезные опасения других потенциальных участников восточноазиатской интеграции в отношении позитивной направленности региональных амбиций Китая [1, р. 172]. К 2005 г. западные специалисты по ВАОР окончательно разделились на два непримиримых лагеря: либералы от экономики, чересчур оптимистично выступающие в пользу приоритетов экономических факторов в формировании восточноазиатской идентичности, и так называемые геополитические реалисты, которые подчеркивали невозможность даже формального учреждения регионального общего рынка, поскольку в Восточной Азии практически полностью отсутствовали даже какие-либо признаки начала становления системы региональной безопасности. Либеральные политэкономисты преподносили регионализм как идеологическую категорию и одновременно закрывали глаза на ощутимые, искусственно возведенные барьеры, препятствующие формированию экономической взаимозависимости между различными участниками восточноазиатских интеграционных процессов, не желавшими избавляться от традиционных недоверия и страхов в отношении друг друга. Более точными в своих прогнозах оказались «реалисты-геополитики», предсказывавшие обострение некоторых застарелых территориальных споров в регионе, а также заметное нарушение регионального баланса сил, вызванное нарастающей совокупной мощью Китая, и его откровенное стремление реализовать свой потенциал в глобальном противостоянии с США.

Официально заявляя об отсутствии глобальных стратегических амбиций, КНР в реальности вынуждена отвечать на вызовы времени, поддерживая оптимальные темпы экономического роста за счет постоянного наращивания экспорта готовой продукции и диверсификации международных товарных рынков. По оценкам западных аналитиков, Китай уже в ближайшее время вынужден будет войти в еще более жесткое соперничество с США и Япо-

нией за дополнительные объемы импорта энергоносителей, в том числе за их ограниченные источники в Восточной Азии, среди которых основными остаются Восточная Сибирь и Дальний Восток России и в меньшей степени труднодоступные районы Индонезии. В данной связи Китаю, по-видимому, предстоит решать крайне непростую задачу по целевому стимулированию восточноазиатской региональной самоидентификации в условиях функционирования трудно поддающейся сопряжению с американской глобализационной парадигмой национальной модели модернизации. В значительной мере вопрос об инвестиционной стратегии в Восточной Азии является для правительства КНР теоретически слабо разработанным, а значит, нуждающимся в максимально осторожной трактовке в контактах с потенциальными партнерами по будущей региональной интеграции. Вся проблема в том, что формирующаяся китайская модель ВАОР ориентирована на освоение восточноазиатского пространства за счет массивных инвестиций в инфраструктурные отрасли экономик прежде всего соседних стран. Само правительство КНР неофициально признает, что без инвестиционного освоения Восточной Азии вряд ли можно изменить сегодняшний откровенно проамериканский характер глобализации.

Но дело абсолютно не в том, что Китай якобы руководствуется какими-то отжившими идеологическими соображениями в своем геополитическом соперничестве с США, скорее наоборот, Пекин вынужден сегодня как-то приспособливаться к идеологическим догматам Вашингтона, с маниакальным упорством стремящегося сохранить свое экономическое доминирование на региональном и глобальном уровне, навязывая никому не понятные постулаты «американской демократии», не останавливаясь даже перед прямым применением военной силы. Однако то, что пока еще происходит на Ближнем и Среднем Востоке, вряд ли окажется допустимым в Восточной Азии, поскольку здесь критическая масса складывающегося общественного мнения уже явно выглядит не в пользу США. Китаю реально удалось каким-то непостижимым образом найти вполне дееспособную концепцию восточноазиатского экономического развития, в целом удовлетворяющую как восторженных «либералов-оптимистов», так и подозрительных «реалистов-геополитиков». Суть генерального компромисса скорее всего состоит в том, что Восточная Азия уже абсолютно не входит в инвестиционный потенциал США и все менее боится нарастающего потока прямых капиталовложений из Китая. По существу, сегодня Америке не с чем прийти на формирующийся ВАОР, и в данной связи основным двигателем региональной интеграции постепенно и все более уверенно становится соперничество за региональное лидерство между КНР и Японией.

Именно этому вопросу сегодня посвящены практически все теоретичес-

кие изыскания крупнейших китайских и японских специалистов, рассматривающих внедрение собственной национальной модели функционирования ВАОР как главную предпосылку состоятельности китайского или японского государства в XXI в. Вынесение проблемы лидерства на критический уровень выживаемости страны в обозримой перспективе дает исключительно мощный импульс традиционному соперничеству Китая и Японии как за материальное, так и за более важное духовное первенство. Теоретически результат названного соперничества уже сегодня с высокой долей вероятности можно предсказать, особенно если обратить внимание на то, каких союзников привлекают к себе Китай и Япония в этой гонке тысячелетия. Привязавшись к слабеющим Соединенным Штатам Америки, японский бизнес заведомо обрекает себя на медленное мучительное поражение в обозримой перспективе. Китай же весьма расчетливо связывает себя союзничеством с Россией вместе со всей Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), которые крайне заинтересованы в создании рыночной инфраструктуры ВАОР.

По оценкам некоторых китайских специалистов, соединение экономического и политического потенциала ШОС даже в ее нынешнем составе и будущего ВАОР способно дать синергетический эффект, сопоставимый по своим геополитическим последствиям с послевоенным американским экономическим доминированием плюс накопленной мощью объединенной Европы конца XX в. В КНР сегодня на самом высоком уровне анализируют возможный мультиплицирующий результат от полноформатного вхождения в ШОС Ирана, Индии, Пакистана, Монголии и обеих Корей. С каждой из перечисленных стран у Пекина есть в отношениях свои положительные и отрицательные факторы, однако все названные страны в связке по линии ШОС – ВАОР в любых вариантах способны помочь Китаю окончательно решить в свою пользу спор с Японией за лидерство в Восточной Азии. Согласно китайским оценкам, национальные приоритеты России, Ирана, Индии, Пакистана, Монголии и обеих Корей во многом совпадают с такими же приоритетами Китая в Азии на обозримую перспективу, и только японская региональная политика идет явно вразрез с долгосрочными национальными интересами КНР. Это уже осознают даже отдельные видные политические деятели в США, связывая, правда пока еще не публично, будущую комплексную систему восточноазиатской безопасности не с узкими и своекорыстными мечтами японского политического класса о возрождении былой имперской мощи, а с региональной и глобальной стабильностью, надежно обеспечиваемой контролируемым китайским лидерством в Восточной Азии.

Наверное, подобные стратегические оценки остаются пока в явном меньшинстве на американском политическом олимпе, но тем не менее само их наличие свидетельствует о том, что процесс эрозии общих политических

интересов США и Японии уже вполне обозначился и постепенно начинает грозить Токио маргинализацией его позиции по многим ключевым региональным проблемам, включая будущий статус Тайваня и мирный договор с Россией, надобность в котором у нашей страны последовательно и неуклонно будет сходить на нет. В данной связи Китаю в ближайшем будущем желательно представить своим потенциальным партнерам по ВАОР ясную и выверенную концепцию своего видения главных направлений региональной интеграции, и прежде всего с учетом того, каким образом будут учтены интересы всех причастных сторон, включая Японию и США, без согласия которых новое региональное сообщество еще долгое время вряд ли сможет реально состояться. Внутренний динамизм развития ВАОР во многом, и даже наверняка, станет отличаться от того, каким он был в период наиболее активного становления структур Европейского союза. Возможно, именно поэтому ЕС так заинтересованно стремится приобрести статус привилегированного партнера ВАОР, пытаясь найти в механизмах развития Восточной Азии то, чего недостает европейской интеграции на протяжении всей второй половины XX в. В значительной степени суть этого недостающего сводится к отсутствию в системе европейской интеграции такого мощного стратегического инвестора, в которого для Восточной Азии постепенно вызревает Китай.

В Китайской Народной Республике не скрывают, что главной целью для этой страны на ближайшие 15 лет остается достижение устойчивого регионального лидерства в Восточной Азии. В указанном направлении правительство КНР предпринимает в последнее время весьма конкретные шаги, облекая их в общий формат создания разветвленной инфраструктуры ВАОР. Восточноазиатский интеграционный процесс представляет собой для Пекина уникальное средство достижения региональных стратегических целей через безотказный механизм прямого инвестиционного сотрудничества с наиболее заинтересованными партнерами из АСЕАН. В данной связи некоторые специалисты по восточноазиатской интеграции уже говорят о достаточно жизнеспособной модели регионального сотрудничества по формуле АСЕАН+1 (Китай). В основе названной модели мыслится договорное оформление фактически существующего комплекса торгово-финансовых связей КНР практически со всеми странами Юго-Восточной Азии, традиционно включающего в себя тесные культурные и экономические контакты по линии взаимодействия зарубежных китайских общин.

Самым привлекательным фактором для стран АСЕАН в инвестиционном сотрудничестве с Китаем неизменно остается огромный внутренний рынок КНР, способный поглотить существенные объемы прежде всего эксплуатируемой сельскохозяйственной продукции. На протяжении последних лет Пекин достаточно умело пользовался названной заинтересованностью своих

юго-восточных соседей и со своей стороны активно реализовывал на территории таких стран, как Таиланд, Лаос, Камбоджа, Малайзия и Вьетнам, крупные инвестиционные проекты по созданию инфраструктуры местного агропромышленного комплекса. На основе такого целенаправленного инвестиционного сотрудничества КНР фактически привязывает целые сектора экономик отдельных стран АСЕАН к потребностям своего внутреннего рынка и решает основную для них проблему текущего дня, связанную с созданием новых рабочих мест. Прямые китайские инвестиции в технологическую модернизацию традиционных сельскохозяйственных производств в государствах Юго-Восточной Азии выгодно отличает модель регионального сотрудничества, продвигаемую КНР, от ее западных аналогов. Это прежде всего связано с тем, что Китай ищет в подобном сотрудничестве возможность реализовывать свои долгосрочные геополитические интересы, а значит, постоянно стремится помимо приобретения сиюминутных выгод сформировать в государствах-партнерах своеобразные «очаги экономического роста», полностью ориентированные на хорошо спрогнозированные потребности конкретных секторов китайского внутреннего рынка.

Таким образом, правительство КНР не только решает критически важную задачу по целенаправленному формированию экспортного потенциала национальных производителей машиностроительной продукции нижнего и среднего ценового сегмента, но и, предоставляя услуги по сервисному обслуживанию поставленных машин и оборудования, направляет многочисленных технических специалистов в страны-покупатели на долгосрочную работу. Именно таким образом наполняется конкретным содержанием инвестиционная стратегия китайского правительства по формуле АСЕАН+1 (КНР), и только после ее успешного завершения Пекин готов приступить к реализации следующего этапа восточноазиатского сотрудничества в виде формата АСЕАН+3 (КНР, Республика Корея, Япония). Следует особо подчеркнуть, что под полной и успешной реализацией формулы АСЕАН+1 (КНР) в Китае подразумевают официальное подписание между АСЕАН и КНР соглашения о свободной торговле (Free Trade Agreement, FTA). В Пекине искренне убеждены, что только после этого японцы и корейцы присоединятся к процессу формирования ВАОР с полным и ясным осознанием того, кто является настоящим лидером региональной интеграции. Иными словами, как считают западные эксперты, правительство КНР твердо намеревается само «вырастить» формат АСЕАН+3 (Китай, Республика Корея, Япония) на эффективно удобренной почве тесного торгово-экономического сотрудничества в варианте АСЕАН+1 (КНР).

Сложная формула восточноазиатской экономической интеграции АСЕАН+1 (Китай) имеет для Пекина жизненно важное значение, прежде

всего, с точки зрения решения традиционных геополитических задач на своем южном фланге, каковым является Юго-Восточная Азия. Китаю здесь нужна стратегическая стабильность, которая немислима без настойчивого внедрения в сознание руководителей Японии, Индии и Республики Корея простого, но достаточно ясного факта, что «чужие» (игнорирующие китайскую модель сотрудничества) здесь вести свои дела вряд ли смогут. Ради достижения поставленной цели правительство КНР уже до вступления ВТО предоставило Камбодже, Лаосу и Вьетнаму статус «наиболее благоприятствующих наций» в двусторонней торговле, рассчитывая таким образом опередить партнеров-конкуентов в лице Японии, Индии и Республики Корея на самом важном для данного района инвестиционном направлении. Осуществляя крупномасштабные прямые капиталовложения в сельскохозяйственный сектор таких государств, как Камбоджа, Лаос, Таиланд и Вьетнам, КНР одновременно открывает свой внутренний рынок для продовольственных товаров, произведенных там, зачастую таким образом ущемляя интересы своих собственных производителей ради более отдаленной стратегической цели — добиться безусловного признания себя со стороны АСЕАН в качестве неоспоримого лидера будущего Восточноазиатского наднационального интеграционного образования. Следует отметить, что правительство КНР в качестве неотложного этапа формирования благоприятных предпосылок для будущего комплексного соглашения о свободной торговле выбрало для инвестиционного сотрудничества с частью стран АСЕАН аграрный сектор, тогда как в более отдаленном плане Китай намечает весьма амбициозные проекты, предусматривающие целевое инвестиционное финансирование строительства «под ключ» в ряде стран Юго-Восточной Азии крупных инфраструктурных объектов с последующим их оснащением современным оборудованием китайского производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rozman Gilbert*. East Asia's Stunned Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization // Cambridge University Press. 2004.